
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 340.5

DOI 10.52468/2542-1514.2026.10(1).5-14

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В КОНТЕКСТЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА И ЛЕГИТИМНОСТИ ПРАВОПОРЯДКОВ

В.В. Денисенко¹, С.П. Малышкин²

¹ *Одинцовский филиал МГИМО МИД России, г. Одинцово, Россия*

² *Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

20 января 2025 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2026 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2026 г.

Ключевые слова

Восточная Европа, вестернизация, сравнительное правоведение, правовая система, правовая семья, легитимация права, аксиология права

Методология сравнительно-правовых исследований в контексте разделения национальных правовых систем на отдельные семьи предполагает обращение к некоторым критериям. В последние годы в практических сравнительно-правовых исследованиях, выражающихся в подсчете индексов верховенства права, прав человека и свободы прессы, а также в теоретической сравнительно-правовой литературе наблюдается проблема некорректной универсализации таких критериев на основе одной лишь западной правовой традиции. Особенно отчетливо эта проблема проявляется в состоянии неопределенности отдельных регионов европейского правового пространства, в частности Восточной Европы. Для разрешения поставленной проблемы и внесения определенности в вопрос об идентификации правового пространства Восточной Европы авторы производят ревизию существующих критериев классификации правовых семей. Также рассматриваются критерии разделения правовых семей, как и сами классификации правовых семей, предлагаемые Р. Леже, К. Цвайгертом и Х. Кётцем, В.А. Лафитским. С позиций неклассической науки авторами предлагается механизм верификации правовой системы в контексте аксиологии права через оценку легитимности ценностно нагруженных норм, по которым корректно сделать вывод о принадлежности к той или иной правовой семье, определить место в системе либеральных и консервативных ценностей.

FEATURES OF THE LEGAL SYSTEMS CLASSIFICATION IN EASTERN EUROPE IN THE CONTEXT OF THE AXIOLOGICAL APPROACH AND THE LEGAL SYSTEMS LEGITIMACY

Vladislav V. Denisenko¹, Semyon P. Malyshkin²

¹ *Odintsovo Campus of MGIMO University, Odintsovo, Russia*

² *State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia*

Article info

Received –

2025 January 20

Accepted –

2026 January 10

Available online –

2026 March 20

Keywords

Eastern Europe, westernization, comparative jurisprudence, legal system, legal family, legitimation of law, axiology of law

The subject of the research is the methodological problem of identification of some world regions as a legal systems and legal families. In recent years, in practical comparative legal studies (calculation of indices of the rule of law, human rights and freedom of the press), as well as in theoretical comparative legal literature, there has been a problem of incorrect universalization of legal system identification criteria based on the Western legal tradition alone. This problem is also particularly clearly manifested in the uncertainty of European legal space regions in the context of their attribution to a separate legal family. A striking example of such an uncertain region is Eastern Europe.

The purpose of the research is to substantiate the directions for improving legal comparative legal research in the context of postclassical methodology, namely the approach from the point of view of legal values and in the aspect of legitimacy of legal institutions in the investigated legal system.

Methodology. The interdisciplinary approach serves as the methodological basis of this research. It provides a synthesis of methodological tools of classical jurisprudence and methodological techniques and achievements of related socio-humanitarian fields of knowledge and post-classical jurisprudence. In our research we use sociological studies,

especially legal sociology, political science and legal axiology, which allows a comprehensive study of the legal systems and legal families on a real case of investigated countries.

Results and conclusions. The authors revised the existing criteria for classifying legal families, considered the criteria for the separation of legal families, as well as the classifications of legal families themselves, proposed by R. Leger, K. Zweigert and H. Ketz, V.A. Lafitsky. From the standpoint of non-classical science, authors propose a mechanism for verifying the legal system from the legal axiology point of view. This axiological approach can be applied through an assessment of the legitimacy of norms, according to its value basis. In a dependence of affiliation of these values as a western or eastern (liberal or conservative etc.) it is correct to conclude that one legal system belongs to a particular legal family.

The main results. The authors conclude that the prospects for the development of contemporary comparative law also lie in strengthening an interdisciplinary approach that allows combining the achievements of jurisprudence with sociology, philosophy, economics and cultural studies. The conducted integrative study of legal traditions opens up new possibilities for the analysis of legal systems. For example, it allows us to solve a specific research problem on the relevance of the legal systems of Eastern Europe to the Slavic legal family. The prerequisites for substantiating this conclusion were a shift in focus from the analysis of a not entirely universal criteria of legal ideology to the more basic criterion of legal axiology. It also allowed us to offer tools that opened up opportunities for a more differentiated definition of values relevant to the corresponding legal system through an analysis of the legitimacy of institutions and norms.

1. Введение

Сравнительное правоведение предполагает некоторую аксиому, заключающуюся в представлении об универсальном устройстве правовой системы, или, вернее, универсальных ценностях всех национальных правовых систем. В связи с этим актуализируется обращение к правовым ценностям как к отдельному предмету исследования, позволяющему открыть некоторые неявные особенности правовой системы и правовых норм [1, с. 9–10]. Рассмотрение ценностей в праве в качестве отдельного предмета исследования характерно для аксиологии права, которая разрабатывается в литературе и как самостоятельное направление [2], и как отдельное направление исследований юридической техники, например в части аксиологических конфликтов нормативных актов [3, с. 106].

С проблемой некритически принимаемого универсализма сравнительное правоведение сталкивается в контексте определения специфики отдельных правовых семей. В частности, по-прежнему популярна для компаративистских исследований тематика правового пространства Восточной Европы. В отношении отнесения восточноевропейских стран к той или иной правовой семье, а также определения их специфики отсутствует консенсус. Более того, по причине распространения концепта «смешанных» или «гибридных» правовых систем оказывается затруднительным подойти к определению специфики

такого правового пространства [4, с. 96–97; 5, р. 51–52], что, безусловно, требует выработки новых объяснительных и исследовательских моделей.

2. Методологические проблемы классификации правовых систем Восточной Европы в фундаментальной литературе по сравнительному правоведению

Предположение об универсальности правовых систем, описанное выше, проявляется в разных положениях компаративистики и встречается у разных авторов. Например, положением, которое в целом конвенционально принимается среди компаративистов, является требование сравнимости правовых систем [6, с. 90; 7, с. 13; 8, с. 51]. Из этой предпосылки проистекает следствие, что абсолютно любые системы права оказываются сравнимыми, что в исследовательской практике подтверждается далеко не всегда. Например, в двухтомнике К. Цвайгерта и Х. Кётца указывается на существование не попадающих в общую классификацию «остальных правовых семей», к которым они относят дальневосточную правовую семью, исламское право и индуистское право [8, с. 428].

Кроме того, компаративистика основывается на некоторых предполагаемых универсальными критериях для сравнения порядков. Такие критерии Р. Леже называет «техническими», поскольку они относятся к юридической технике [9, с. 104]. Однако если обратиться также к практике конкретных срав-

нительно-правовых исследований, можно обнаружить иные критерии, которые лишь признаются универсальными для всех существующих государств, но не являются таковыми. Например, права человека как один из таких критериев. Права человека являются достаточно новой юридической категорией в историческом обозрении и более релевантны по своему происхождению западной правовой традиции. В качестве примеров таких исследований, сравнивающих государства в зависимости от ценностей западной правовой традиции, можно привести авторитетный рейтинг верховенства права¹, индекс свободы человека², индекс свободы прессы³.

Как отмечает А.Х. Саидов, одной из основных проблем, с которой сталкиваются юристы-компаративисты, является европоцентризм в подходах к изучению правовых традиций. Большинство методологий, используемых в сравнительном правоведении, разрабатывались на основе западного юридического опыта, что часто приводит к недооценке или искажению значимости незападных правовых традиций [10, с. 15]. Для такой ситуации А.Н. Медушевский предлагает использовать понятие «фальшивого универсализма» [11, с. 9]. Цитируемый нами А.Х. Саидов, описывая эту проблему, апеллирует к сложившемуся направлению исследований стран «третьего мира», или *TWAIL (Third World approaches to International Law)* [12; 13].

Так или иначе, в контексте самих сравнительно-правовых исследований некоторые цитируемые нами юристы утверждают существование «единого» права с «едиными историческими корнями, едиными ценностями и общими инструментами регулирования отношений между людьми» [6, с. 96]. Помимо исторических аргументов, в цитируемой работе приводится также аргумент к общности цели различных систем права. Эта цель, по мнению В.А. Лафитского, – всеобщее благо [6, с. 98].

Качественно иную позицию в контексте тематики универсальности систем права мы можем увидеть в работах другого классика компаративистики – Р. Леже. В качестве «основных» правовых систем он выделял английское, французское и немецкое право

[9, с. 7–9]. Саму возможность универсального распределения правовых систем по семьям или группам он ставит под сомнение [9, с. 99–100]. Отдельного внимания заслуживают выделяемые им правовые системы государств, которые, как указывает Р. Леже, не являются правовыми государствами и не имеют правовой традиции [9, с. 234].

Леже отмечает, что в качестве критериев разделения правовых систем корректно выделить идеологический и исторический критерии. Идеологический критерий позволяет отличать правовые семьи в зависимости от общей концепции права, взаимоотношений между правом и государством, государством и личностью. Основываясь на историческом критерии, он предлагает различать системы права, имеющие давнюю историю, где право является ценностью, благодаря чему их можно обозначить как «правовые государства», и системы права новых государств или государств, в которых ценность права не стала преобладающей над ценностью идеологии или религии [9, с. 104].

Схожий дифференцированный подход к правовым семьям предлагается К. Цвайгертом и Х. Кётцом. Он основывается на анализе стилистических особенностей правовых семей. Стиль правовых семей предлагается различать по историческому, доктринальному, идеологическому, институциональному критериям, а также по критериям источников права и их толкования [8, с. 109], что у Р. Леже обозначалось технико-юридическим критерием. В своей работе авторы выделяют восемь правовых семей: романскую, германскую, скандинавскую, общего права, социалистического права, права стран Дальнего Востока, исламского права, индусского права [8, с. 118].

Ни один из представленных авторских подходов не позволяет однозначно отнести страны Восточной Европы к определенной правовой семье. Классификация Р. Леже открывает лишь перспективу изучения их самобытности, но не позволяет однозначно отнести ни к одной правовой семье. Хотя он и указывает, что к «правовым государствам» относятся некоторые государства Северной, Центральной и Южной Европы [9, с. 106], но однозначно он не

¹ WJP Rule of Law Index // World Justice Project website. URL: <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/global> (дата обращения: 09.12.2024).

² Human Freedom Index // CATO Institute website. URL: <https://www.cato.org/search/category/human-freedom-index> (дата обращения: 09.12.2024).

³ World Press Freedom Index // Reporters Without Borders (RSF) website. URL: <https://rsf.org/en/index> (дата обращения: 09.12.2024). Международная неправительственная организация *Reporters sans Frontières (RSF)* («Репортеры без границ»), Франция, внесена Минюстом России в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. – *Примеч. ред.*

подводит их под какую-либо из правовых семей и не делает выводов, касающихся правовых систем стран Восточной Европы [9, с. 186]. Еще более очевидно, что классификация К. Цвайгерта и Х. Кётца не подходит для идентификации правовых систем Восточной Европы, поскольку вовсе не содержит указания на «самобытные» правовые семьи со специфическим правовым стилем. Поэтому для достижения определенности в отношении места стран Восточной Европы обратимся к специфике таких правовых систем.

3. Особенности правовых систем Восточной Европы как отдельного предмета сравнительно-правового исследования

К странам Восточной Европы обычно относят государства Центральной и Северо-Восточной Европы, населенной преимущественно славянами, хотя безусловно можно назвать отдельные страны региона, в которых славянское население не является преобладающим – это Венгрия, Румыния, Молдова, Эстония, Литва, Латвия. Существующие подходы позволяют определить страны Восточной Европы как страны с социалистическим прошлым, в которых произошел переход к рыночной экономике и либеральной традиции конституционализма [14, с. 7]. В Общероссийском классификаторе стран мира (ОКСМ)⁴ к странам Восточной Европы отнесены Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чехия, Украина, а также такие члены Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), как Беларусь, Молдова⁵ и Россия. Такая классификация весьма условна, и о закрытом перечне восточноевропейских стран не может идти речи.

Выделение стран Восточной Европы и восточноевропейской юридической традиции в юридической и политической науках получило популярность в середине XX в. в контексте политической конфронтации социалистического блока с Западом [15, р. 45–46]. Однако термин «Восточная Европа» возникает еще в эпоху Просвещения для обозначения территории, отличной от Западной Европы тем, что находилась в той или иной мере под влиянием Востока: Византии, Османской империи, а в XX в. – коммунизма, пришедшего из СССР [16, р. 4]. Характерной особенностью восточных провинций Римской империи была меньшая степень романизации. Поэтому Во-

сток в период позднего Рима был более развит юридически, в отличие от западной части Империи, подвергшейся нашествию германских племен [17, с. 204–205].

В дальнейшем на формирование правового пространства стран Восточной Европы начинает оказывать значительное влияние христианство – оно упорядочило многие общественные, не подпадавшие под действие светского права. Также христианство привело к формированию новых правовых актов, связанных с религиозными догматами.

Помимо влияния религии на восточноевропейское правовое пространство большое влияние оказало германское право, что проявилось в кодификации законодательства в Новое время. Кроме того, в настоящее время в правовом пространстве Восточной Европы не сложилось принятия прецедента как источника права, что также обусловлено историческим развитием региона [18, с. 38–39].

Говоря о специфике политических систем Восточной Европы, политологи утверждают, что государства Восточной Европы с прошлого века по настоящий день прошли этапы складывания национальных государств, фашизации и советизации, а позднее – вестернизации и демократизации. Также политологи сходятся во мнении, что с 1980-х гг. страны Восточной Европы прошли три последовательные стадии демократического транзита: либерализацию, демократизацию и консолидацию [19, с. 18–19; 20, с. 9–10]. В эти годы были приняты новые конституции и сформулированы основные законы, а именно: Конституция Болгарии 1991 г., Конституция Чехии 1992 г., Конституция Литвы 1992 г., Конституция Эстонии 1992 г., Конституция Польши 1997 г., Конституция Венгрии 2011 г.

Большая часть стран Восточной Европы является членами Евросоюза. Это также обуславливает специфику правового пространства Восточной Европы, потому что Евросоюз – конфедерация, которая образует особую правовую систему, имеющую высшую юридическую силу по отношению к национальным правовым системам [21, с. 60–61]. Так, в соответствии со ст. I-33 Конституции Европейского Союза «европейский закон является обязательным во всех своих частях и подлежит прямому применению во

⁴ ОКСМ гармонизирован с Международным стандартом ИСО 3166-97 «Коды для представления наименований стран», разработанным Международной организацией по стандартизации (ИСО), и Межгосударственным классификатором стран мира МК (ИСО 3166) 004-97.

⁵ В 2023 г. был начат процесс выхода Молдовы из СНГ, в январе 2026 г. Молдова начала процедуру денонсации Устава СНГ, Соглашения о создании СНГ и соответствующих приложений. – *Примеч. ред.*

всех государствах-членах». Тем не менее многочисленная практика Суда Европейского Союза показывает, что правовые решения на национальном уровне зачастую расходятся с принципами и нормами Евросоюза⁶.

Несмотря на довольно существенное влияние правового пространства Евросоюза, было бы поспешным признавать тотальную вестернизацию восточноевропейских правовых систем. Например, в некоторых из стран Восточной Европы прослеживаются черты реставрации политических традиций, подавленных в период советского влияния. Так, 4 мая 1990 г. в Латвии была принята Декларация о восстановлении независимости, восстановившая действие Конституции 1922 г., которая сохраняет силу по настоящий момент [22, с. 79].

Если рассматривать Беларусь и Россию, то следует упомянуть также правовое пространство СНГ, которое отчасти влияет на правовое пространство входящих в него стран. Однако правовое пространство СНГ не обладает высшей юридической силой в сравнении с национальными системами права стран СНГ. В подтверждение этой позиции также можно привести в пример существование множества актов модельного характера, которые не обязывают стран-участниц принимать такие нормы, но создают условия для складывания единообразных норм путем добровольной имплементации таковых⁷. И если проводить *внутреннюю классификацию* правовых систем Восточной Европы, то одним из ее критериев может стать признак распространения на такую правовую систему определенных надгосударственных норм, вроде норм правовой системы Евросоюза или права СНГ.

В отношении либеральных ценностей правовая позиция государств Восточной Европы часто склоняется в сторону их непризнания. Например, в Меморандуме комиссара Совета Европы по правам человека о стигматизации ЛГБТ⁸ в Польше от 3 декабря 2020 г. указывается, что частично польское уголов-

ное законодательство (ст. 119, 256 и 257 Уголовного кодекса Польши) содержит указания на недопустимость дискриминации людей по признакам национальности, этнической принадлежности, расы или религиозных убеждений, но не по признакам сексуальной ориентации или гендерной идентичности⁹.

Таким образом, особенность национального менталитета в странах Восточной Европы состоит в принципиальной расщепленности между либеральными и традиционными ценностями, с которыми связана национальная идентичность и на которые опираются законодатели и правоприменители на уровне национальных правовых систем [23, с. 613–614].

Примером аксиологического противоречия между правом Европейского Союза и национальными восточноевропейскими системами права является спор в отношении принятого в 2021 г. венгерского законодательства, содержащего запреты на распространение среди несовершеннолетних информации, пропагандирующей или изображающей «отклонения от самоидентификации как мужчины или женщины, смену пола или гомосексуализм» и ряда других аналогичных решений. Европейская Комиссия обратилась в Суд Евросоюза для разрешения этого спора. Показательно, что только 16 из 27 стран присоединились к этому иску. Остальные страны Восточной Европы (Чехия, Литва, Латвия, Польша, Болгария, Румыния) отказались поддержать этот иск¹⁰.

Аксиологические коллизии в настоящее время также связываются с усилением римско-католической церкви после падения коммунистических режимов [23, с. 614]. Одним из самых известных примеров такого влияния на территории Восточной Европы является вопрос о запрете абортов в Польше. С начала 1990-х гг. католическая церковь и консервативные политические партии неоднократно выступали с инициативами полного запрета абортов. В 1993 г. парламент запретил аборты, сделав три исключения: опасность для здоровья или жизни матери, предшествовавшие зачатию плода изнасило-

⁶ Selection of major judgments. Year 2022 / Research and Documentation Directorate of Court of Justice of the European Union (CJEU). 2022. 300 p.

⁷ См.: Модельные законодательные акты и рекомендации Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств // Сайт МПА – государств участников СНГ. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_tra_sng (дата обращения: 09.11.2025).

⁸ Международное общественное движение ЛГБТ и его структурные подразделения внесены Росфинмониторин-

гом в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. – *Примеч. ред.*

⁹ Memorandum on the stigmatisation of LGBTI people in Poland (CommDH(2020)27). URL: <https://rm.coe.int/memorandum-on-the-stigmatisation-of-lgbti-people-in-poland/1680a08b8e> (дата обращения: 09.12.2024).

¹⁰ Sixteen EU countries denounce Hungary's new anti-LGBT law // Euronews. June 22, 2021. URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2021/06/22/thirteen-eu-countries-denounce-hungary-s-new-anti-lgbt-law> (дата обращения: 09.12.2024).

вание или инцест и аномалия плода. 23 сентября 2016 г. депутаты польского Сейма приняли в первом чтении законопроект, который практически полностью запрещал аборт в стране и вводил уголовную ответственность до 5 лет лишения свободы для исполнителя данной манипуляции и для роженицы. Это вызвало волну массовых протестов, которые 3 октября 2016 г. переросли в общенациональную акцию, именуемую *Czarny Poniedziałek* («Черный понедельник»), что впоследствии привело к отклонению законопроекта¹¹. Однако 22 октября 2020 г. Конституционный Суд Польши признал незаконным право женщины на аборт в случае выявления у плода серьезного порока или неизлечимого заболевания¹², что составляет примерно 98 % от общего количества аборт в Польше.

В силу того, что правовые системы Восточной Европы находятся под влиянием как западных, так и восточных факторов, для такой классификации предлагается в качестве условных «полюсов» обозначить восточную и западную правовую культуру. Близость к определенному полюсу на этой шкале предлагается устанавливать по следующим критериям. Во-первых, критерий воздействия надгосударственной правовой системы. С одной стороны, правовая система Евросоюза будет оказывать достаточно сильное влияние и предопределять факторы, формирующие законодательство и специфику правоприменения. С другой стороны, правовое регулирование стран СНГ хотя и не оказывает предопределяющего воздействия, но создает условия для гармонизации законодательства. Во-вторых, предлагается ориентироваться также на исторический критерий в силу того, что некоторые страны Восточной Европы обращаются к воссозданию ранее действующих правовых актов, в которых даже в большей степени отражается влияние западной или восточной правовых культур. В-третьих, также предлагается обращаться к тому, как разрешаются аксиологические конфликты для определения соотношения между ценностями, формально декларируемыми в нормативных актах, и ценностями, транслируемыми в юридической практике.

4. Новые объяснительные и исследовательские модели для выявления содержания восточно-европейской правовой семьи

Исследователи, разделяющие проблему ложного универсализма, не конкретизируют, как

именно она может быть преодолена. Например, в статье А.Х. Саидова упоминается о проблеме исследования «незападных» правовых традиций или систем права [10]. Такой подход позволяет лишь отстроиться от западной правовой традиции, но не конкретизирует, о какой традиции идет речь: восточной или, может быть, иных не поименованных мировых традициях права. Поэтому следует, во-первых, определить, к какой правовой семье относятся правовые системы Восточной Европы, а во-вторых, описать, какой методологический подход будет релевантным для преодоления проблемы ложного универсализма в сравнительно-правовой науке.

Если рассматривать выводимый Р. Леже идеологический критерий для различения правовых семей, возможно выдвинуть гипотезу, что подходящим вариантом для описания правового пространства Восточной Европы является точка зрения о принадлежности таких правовых систем к славянской правовой семье. Несмотря на то, что, как указывает сам В.А. Лафитский, «идет бурный процесс брожения, в котором кристаллизуется новое славянское право», хотя «его контуры еще не оформились» [6, с. 266], существуют достаточно убедительные аргументы к сходному историческому прошлому и общему социокультурному пространству. Однако релевантным будет и контраргумент к этому тезису, строящийся на том, что некоторые из рассматриваемых стран населены в основном неславянским населением и прошли несколько иной исторический путь, создающий иные предпосылки для формирования правовых ценностей, а потому часть государств Восточной Европы не было бы корректным отнести к славянской правовой семье. Более релевантным будет их отнесение к смешанному правовому семейству.

Из-за того, что опора на идеологический критерий не позволяет однозначно отграничить одну правовую семью от другой, для более конкретной классификации следует проводить срез не идеологии, а аксиологии (ценностей). Идеология – это оформленная система идей, выходящая за рамки отдельного мировоззрения. В современных постмодернистских условиях или условиях, приближенных к таковым [24, с. 219–220], идеологический критерий теряет свою актуальность. Ценности – это более базовая категория, которая позволяет с большей точностью

¹¹ Польские женщины вышли на массовую забастовку против запрета аборт // ТАСС. 2016. 3 окт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3672766> (дата обращения: 09.12.2024).

¹² Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 22 października 2020 r. // Dziennik Ustaw. URL: <https://dziennikustaw.gov.pl/DU/2021/175> (дата обращения: 09.12.2024).

определить, в числе прочего, легитимность отдельных институтов или норм права [25, с. 77].

Однако задача выявления таких правовых ценностей также не является тривиальной. Как следует из представленного нами описания особенностей некоторых правовых систем Восточной Европы, для определения таких ценностей, которые проявляются в праве, важна также их валидация по критерию их легитимации (или делегитимации). В данном случае предлагается различать легитимацию в политическом или социологическом смысле и собственно юридическую легитимацию. Так, если судить о непризнании законопроекта, запрещающего аборт, по прошедшим в Польше массовым протестам и произошедшей концептуализации этих протестов в концепте «Черного понедельника», то в политологическом смысле такой законопроект будет однозначно нелегитимным. Однако в разрезе собственно юридической легитимации, которая должна опираться на критерий действительности таких норм, а также учитывая последующее решение Конституционного Суда Польши 2020 г., исследователь придет к противоположному выводу – что данные нормы легитимны в юридическом смысле, поскольку признаются правоприменителем и не утрачивают своей действительности.

Безусловно, легитимация в политическом смысле, опирающаяся на общественную реакцию, которая не имеет прямой юридической значимости, хотя и может иметь некоторые последствия для правовой системы, может дать некоторые сведения о ценностях. Однако, ценности, выявленные таким путем, не могут считаться интегрированными в правовую систему, даже если претендуют на это. Наблюдение за легитимацией в юридическом смысле в виде реакции государственных органов и устойчивых юридических практик, напротив, может дать достоверные результаты для описания уже интегрированных в систему права ценностей [26, р. 505]. Поэтому для исследовательских выводов необходимо разделять и ранжировать акторов легитимации и ре-

зультат их легитимации на предмет последствий и юридической силы.

5. Выводы

Как отмечает А.Х. Саидов, перспективы развития сравнительного правоведения также заключаются в усилении междисциплинарного подхода, который позволяет объединить достижения правоведения с социологией, философией, экономикой и культурологией. Такое интегративное исследование правовых традиций открывает новые возможности для анализа правовых систем [10, с. 12]. Как мы показали в настоящей работе, этот тезис подтверждается и позволяет решить конкретную исследовательскую задачу об относимости систем права Восточной Европы к смешанному правовому семейству, в котором часть правовых систем может быть отнесена к славянской правовой семье. Остальные правовые системы следует отнести к классической романо-германской правовой семье с особенностями, определяемыми в зависимости от признаваемых и воспроизводимых правовых ценностей. Предпосылками обоснования такого вывода стало смещение фокуса с анализа не вполне универсального критерия правовой идеологии на рассмотрение более базового критерия правовой аксиологии, а также предложения инструментария, позволяющего более дифференцировано определить ценности, актуальные для соответствующей правовой системы, – через анализ легитимности институтов и норм.

Кроме того, была предложена внутренняя классификация правовых систем Восточной Европы по нескольким рассмотренным выше критериям. Во-первых, критерий воздействия надгосударственной правовой системы (например, Евросоюза или СНГ). Во-вторых, исторический критерий, актуальный в силу того, что некоторые страны Восточной Европы обращаются к воссозданию ранее действующих правовых актов. В-третьих, критерий разрешения аксиологических конфликтов, служащий для разграничения декларируемых и реально воспроизводимых ценностей в праве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клименко А. И. Правовые идеи и правовые ценности как идеологическое основание современной государственности / А. И. Клименко // История государства и права. – 2025. – № 1. – С. 2–12.
2. Ветютнев Ю. Ю. Аксиология правовой формы / Ю. Ю. Ветютнев. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 200 с.
3. Кожокарь И. П. Дефекты нормативно-правового регулирования / И. П. Кожокарь. – М. : Проспект, 2019. – 296 с.
4. Трикоз Е. Н. Гибридные правовые системы и их место в смешанном правовом семействе / Е. Н. Трикоз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 4. – С. 91–97.

5. Orucu E. What is a Mixed Legal System: Exclusion or Expansion? / E. Orucu // *Journal of Comparative Law*. – 2008. – Vol. 3, No. 1. – P. 34–52.
6. Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права / В. И. Лафитский. – М. : Статут, 2010. – Т. 1. – 429 с.
7. Тилле А. А. Сравнительный метод в юридических дисциплинах / А. А. Тилле, Г. В. Швеков. – М. : Высшая школа, 1973. – 192 с.
8. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : пер. с нем. : в 2 т. / К. Цвайгерт, Х. Кётц. – М. : Международные отношения, 2000. – Т. I : Основы. – 480 с.
9. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / Р. Леже ; пер. с фр. А. В. Грядов. – 2-е изд., перераб. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – XLIX, 529 с.
10. Саидов А. Х. Сравнительное изучение западных и незападных правовых традиций: проблемы методологии / А. Х. Саидов // *Право между Востоком и Западом*. – 2024. – № 3. – С. 2–16.
11. Медушевский А. Н. Насколько универсальны «универсальные стандарты» прав человека: переоценка критической школы международного права / А. Н. Медушевский // *Международное правосудие*. – 2022. – № 1 (41). – С. 3–31.
12. Anghie A. Rethinking International Law: A TWAIL Retrospective / A. Anghie // *European Journal of International Law*. – 2023. – Vol. 34, No. 1. – P. 7–112. – DOI: 10.1093/ejil/chad005.
13. Mutua M. What is TWAIL? / M. Mutua // *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*. – 2000. – Vol. 94. – P. 31–38. – DOI: 10.1017/S0272503700054896.
14. Маркова Е. Н. Понятие Центральной и Восточной Европы: проблемы идентификации группы государств в целях сравнительного правоведения / Е. Н. Маркова // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2009. – № 5 (72). – С. 5–15.
15. Giaro T. Some Prejudices about the Legal Tradition of Eastern Europe / T. Giaro // *Comparative Law in Eastern and Central Europe* / eds. B. Sitek, J. J. Szczerbowski, A. W. Bauknecht. – Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2013. – P. 26–50.
16. Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment / L. Wolff. – Stanford, California : Stanford University Press, 1994. – xiv, 419 p.
17. Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. / Е. Э. Липшиц. – Л. : Наука, 1976. – 230 с.
18. Белов С. А. Вызовы прецедентного права конституционным судам Центральной и Восточной Европы / С. А. Белов // *Журнал Конституционного правосудия*. – 2020. – № 1. – С. 32–39.
19. Пономарева Е. Г. Политические системы стран Центральной и Восточной Европы / Е. Г. Пономарева // *Знание. Понимание. Умение*. – 2014. – № 2. – С. 18–26.
20. Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты : сб. ст. / под ред. С. П. Глинкиной, Н. В. Куликовой. – М. : Ин-т экономики РАН, 2016. – 332 с.
21. Чахкиев С. У. Структура права Европейского союза / С. У. Чахкиев // *Образование. Наука. Научные кадры*. – 2022. – № 2. – С. 60–62. – DOI: 10.24412/2073-3305-2022-2-60-62.
22. Кацев М. И. Конституционно-правовая система Латвийской Республики: становление и современное состояние / М. И. Кацев // *Право и управление. XXI век*. – 2010. – № 2 (15). – С. 79–81.
23. Алексюн Н. История Центрально-Восточной Европы / Н. Алексюн, Д. Бовуа, М.-Э. Дюкрё, Е. Ключовский, Г. Самсонович, П. Вандич ; пер. с фр.: М. Ю. Некрасов, А. Ю. Карачинский, И. А. Эгипти. – СПб. : Евразия, 2009. – 1120 с.
24. Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы : коллектив. моногр. / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2023. – 500 с.
25. Пономарев М. В. Аксиология конституционализма: современные вызовы и перспективы развития / М. В. Пономарев // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки»*. – 2012. – № 2 (10). – С. 76–86.
26. Denisenko V. V. The Communicative Function of Law in a Digital State / V. V. Denisenko // *Kutafin Law Review*. – 2023. – Vol. 10, No. 3. – P. 495–514. – DOI: 10.17803/2713-0533.2023.2.25.495-514.

REFERENCES

1. Klimenko A.I. Legal ideas and legal values as ideological grounds for the modern statehood. *Istoriya gosudarstva i prava = History of state and law*, 2025, no. 1, pp. 2–12. (In Russ.).
2. Vetyutnev Yu.Yu. *The axiology of the legal form*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 200 p. (In Russ.).
3. Kozhokar' I.P. *Legal regulatory defects*. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 296 p. (In Russ.).
4. Trikoz E.N. A hybrid legal system and their place in mixed legal family. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2017, no. 4, pp. 91–97. (In Russ.).
5. Orucu E. What is a Mixed Legal System: Exclusion or Expansion?. *Journal of Comparative Law*, 2008, vol. 3, no. 1, pp. 34–52.
6. Lafitsky V. *Comparative Jurisprudence in the Images of Law*, Vol. 1. Moscow, Statut Publ., 2010. 429 p. (In Russ.).
7. Tille A.A., Shvekov G.V. *Comparative method in legal disciplines*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1973. 192 p. (In Russ.).
8. Zweigert K., Kötz H. *Introduction to comparative law in the field of private law*, transl. from German, in 2 volumes. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2000. Vol. 1. 480 p. (In Russ.).
9. Leger R.J. *The Great Legal Systems of Our Time: A Comparative Legal Approach*, transl. from French by A.V. Gryadov, 2nd ed. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2009. XLIX + 529 p. (In Russ.).
10. Saidov A.Kh. Comparative study of Western and non-Western legal traditions: methodology issues. *Pravo mezhdu Vostokom i Zapadom = Law between East and West*, 2024, no. 3, pp. 2–16. (In Russ.).
11. Medushevsky A. How universalized are "universal standards" of human rights: the critical school of international law reappraised. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International justice*, 2022, no 1 (41), pp. 3–31. (In Russ.).
12. Anghie A. Rethinking International Law: A TWAIL Retrospective. *European Journal of International Law*, 2023, vol. 34, no. 1, pp. 7–112. DOI: 10.1093/ejil/chad005.
13. Mutua M. What is TWAIL?. *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*, 2000, vol. 94, pp. 31–38. DOI: 10.1017/S0272503700054896.
14. Markova E. Notion of Central and Eastern Europe: problems of identification of the group of states for comparative purposes. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative constitutional review*, 2009, no. 5 (72), pp. 5–15. (In Russ.).
15. Giaro T. Some Prejudices about the Legal Tradition of Eastern Europe, in: Sitek B., Szczerbowski J.J., Bauknecht A.W. (eds.). *Comparative Law in Eastern and Central Europe*, Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2013, pp. 26–50.
16. Wolff L. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, California, Stanford University Press, 1994. xiv + 419 p.
17. Lipshits E.E. *Law and court in Byzantium in the IV-VIII centuries*. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 230 p. (In Russ.).
18. Belov S.A. Challenges of precedent's law for constitutional courts of Central and Eastern Europe. *Zhurnal Konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, 2020, no. 1, pp. 32–39. (In Russ.).
19. Ponomareva E.G. The political systems of the countries of Central and Eastern Europe. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2014, no. 2, pp. 18–26. (In Russ.).
20. Glinkina S.P., Kulikova N.V. (eds.). *The transition of Central and Eastern European countries from socialism to capitalism: peculiarities and results*, Collection of articles. Moscow, Institute of Economics of the RAS Publ., 2016. 332 p. (In Russ.).
21. Chakhkiev S.U. Structure of European Union law. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry = Education. Science. Scientific personnel*, 2022, no. 2, pp. 60–62. DOI: 10.24412/2073-3305-2022-2-60-62. (In Russ.).
22. Katsev M. Constitutional law in Latvia: retrospective review and the modern state. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Journal of Law and Administration*, 2010, no. 2 (15), pp. 79–81. (In Russ.).
23. Aleksiu N., Beauvois D., Ducreux M.-E., Kloczowski J., Samsonowicz H., Wandycz P. *The History of Central and Eastern Europe*, transl. from French by M.Yu. Nekrasov, A.Yu. Karachinskii, I.A. Egipci. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2009. 1120 p. (In Russ.).

24. Tonkov E.N., Chestnov I.L. (eds.). *Postclassical studies of law: prospects of a scientific and practical program*, Collective monograph. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2023. 500 p. (In Russ.).

25. Ponomarev M.V. Axiology of constitutionalism: actual challenges and prospects of development. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Yuridicheskie nauki" = MCU Journal of Legal Sciences*, 2012, no. 2 (10), pp. 76–86. (In Russ.).

26. Denisenko V.V. The Communicative Function of Law in a Digital State. *Kutafin Law Review*, 2023, vol. 10, no. 3, pp. 495–514. DOI: 10.17803/2713-0533.2023.2.25.495-514.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Денисенко Владислав Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права
Одинцовский филиал МГИМО МИД России
143007, Россия, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, 3
E-mail: vsu_vlad@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5838-1577
Scopus AuthorID: 56940203500
SPIN-код РИНЦ: 3156-9557; AuthorID: 310133

Малышкин Семен Павлович – магистр права, аспирант
Государственный академический университет гуманитарных наук
119049, Россия, г. Москва, Мароновский пер., 26
ORCID: 0000-0001-8541-4242
SPIN-код РИНЦ: 3689-2112; AuthorID: 1098685

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Денисенко В.В. Особенности классификации правовых систем Восточной Европы в контексте аксиологического подхода и легитимности правоприменения / В.В. Денисенко, С.П. Малышкин // *Правоприменение*. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 5–14. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).5-14.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vladislav V. Denisenko – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of Public Law
Odintsovo Campus of MGIMO University
3, Novosportivnaya ul., Odintsovo, 143007, Russia
E-mail: vsu_vlad@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5838-1577
Scopus AuthorID: 56940203500
RSCI SPIN-code: 3156-9557; AuthorID: 310133

Semyon P. Malyshkin – Master of Law, Postgraduate Student
State Academic University for the Humanities
26, Maronovskii per., Moscow, 119049, Russia
ORCID: 0000-0001-8541-4242
RSCI SPIN-code: 3689-2112; AuthorID: 1098685

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Denisenko V.V., Malyshkin S.P. Features of the legal systems classification in Eastern Europe in the context of the axiological approach and the legal systems legitimacy. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 5–14. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).5-14. (In Russ.).